

СТАЛКЕР

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие — уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АСТ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «СТАЛКЕР»

Аркадий и Борис Стругацкие. ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ
Дмитрий Силлов. ЗАКОН ПРОКЛЯТОГО
Дмитрий Силлов. ЗАКОН «ДЕГТЯРЕВА»
Дмитрий Силлов. ЗАКОН ПРИЗРАКА
Дмитрий Силлов. ЗАКОН КЛЫКА
Дмитрий Силлов. ЗАКОН ДОЛГА
Дмитрий Силлов. ЗАКОН СВОБОДЫ
Дмитрий Силлов. ЗАКОН СТРЕЛКА

НОВАЯ ЗОНА

Александр и Надежда Навара. ТАКТИКА ГОРОДСКОГО БОЯ
Светлана Кузнецова. ХРУСТАЛЬНАЯ УГРОЗА
Игорь Недозор. ДИКИЙ ГОН
Ольга Крамер. ПРИВЫЧКА ВЫЖИВАТЬ
Светлана Кузнецова. КРАДУЩИЙСЯ ВО СНЕ

ПИТЕРСКАЯ ЗОНА

Виктор Точинов. ВСЕ СОКРОВИЩА МИРА
Игорь Недозор. ПСЫ ПРЕИСПОДНЕЙ
Николай Романецкий. БУСТЕР
Дмитрий Манасыпов. ЗАПАС УДАЧИ
Николай Романецкий. МЕНТОЛ
Дмитрий Манасыпов. ТЕМНЫЙ АДРЕНАЛИН

ЗОНА ПОСЕЩЕНИЯ

Андрей Альтанов. ГАЙКИ, ДЕНЬГИ И ПИЛА
Сергей Вольнов. РЕЖИМ ЧЕЛОВЕКА
Сергей Вольнов. ЗА МИГ ДО РАССВЕТА
Сергей Вольнов. ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА
Виктор Точинов, Александр Щеголев. АНГЕЛЫ АДА
Виктор Точинов. ЗВЕРИ ЗЕМЛИ

ЗОНА БУДУЩЕГО

Сергей Вольнов. ПРЫЖОК В СЕКУНДУ

СТАЛКЕР

Светлана Кузнецова

[НОВАЯ ЗОНА]

КРАДУЩИЙСЯ ВО ТЬМЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К89

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «СТАЛКЕР» основана в 2012 году

Серийное оформление *Э.Э. Кунтыш*
Компьютерный дизайн *А.И. Смирнова*
Иллюстрация *А.С. Руденко*

Кузнецова, Светлана Александровна.
К89 Новая Зона. Крадущийся во тьме : [фантастиче-
ский роман] / Светлана Кузнецова. — Москва : Из-
дательство АСТ, 2017. — 320 с. — (СТАЛКЕР).

ISBN 978-5-17-982673-6

Зона затаилась внутри периметра, эмионики обоснова-
лись в небоскребах Москва-Сити и вот уже три месяца никак
не заявляют о себе. Они выжидают. В этом уверены и глава
Института Исследований Зоны Шувалов, и Ворон с Денисом.

Однако не только странное поведение могущественных
хозяев Москвы беспокоит их. Некто целенаправленно проре-
живает ряды сталкеров, убивая даже тех, кто ходил в периметр
лишь единожды. Неизвестные многочисленны, неуловимы и
кровожадны. Они не оставляют следов, кроме едва заметных
царапин на полу.

Враги действуют теперь не только в бывшей столице, но
и за ее пределами. А здесь еще бывший студент-биолог и его
напарник, выглядящий много моложе собственных лет. Со
всем этим предстоит разобраться.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-982673-6

© С.А. Кузнецова, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 0

Свет горел всегда: и днем, и ночью. Он привык к нему, перестал замечать. Когда свет потух, даже не сразу сообразил, что именно изменилось.

Сколько же он лежал? День, два, неделю или даже месяц? А может, всего несколько часов? В барокамере (он знал, герметичная капсула называется иначе, но забыл, как именно, а это слово само приходило на ум и просилось на язык) не имелось ни часов, ни чего-нибудь еще для слежения за временем, а у него самого не нашлось бы при себе даже гвоздя — поцарапать белоснежную эмаль на крышке. Да и вряд ли ему удалось бы подобное с недвижимыми руками.

Будь он обычным узником, отмерял бы время по приемам пищи. Однако он оказался лишен даже такой возможности: питательный раствор подавали внутривенно.

К нему крепились три трубки для вывода отходов жизнедеятельности (последняя — на случай, если будет тошнить). Датчиков подключили столько, что он даже думать боялся — вдруг считывают. Но это он, конечно, шутил. Хотел бы он уметь не думать, авось время пролетело бы незаметнее. Так ведь нет: лежал и вспоминал, размышлял, сочинял... Несколько раз пытался мысленно поиграть с самим собой в шахматы, только вот ведь незадача — постоянно нарывался на ничью. А ведь так хотелось хотя бы раз в жизни поставить самому себе мат. Причем так, чтобы он же сам и не поддавался.

«Вы в буквальном смысле слова рождаетесь заново! — говорил профессор Сестринский, когда попрощался с ним перед изоляцией. Затем посмотрел на иглу в вене, на трубку и добавил: — Это ваша пуповина, осторожнее с ней».

Сравнение показалось красивым, он даже оценил. Реальность же слегка не соответствовала. Не рождение — возможность ухода от участи, много хуже, нежели смерть. Не пуповина — попытка не дать загнуться телу, не способному после ввода препарата воспринимать обычную пищу. Сестринский утверждал, будто со временем (как раз срок в барокамере истечет, а то и раньше) пищеварительная система полностью восстановится, и верить ему хотелось сильнее, нежели не верить. Так или иначе, но в тот последний день в нормальном мире он улыбался.

Сколько же до него проходили через эту камеру? Он не интересовался, да и зачем? Ему вполне хватило того процентного соотношения, что озвучил отец... вернее, человек, некогда давший ему жизнь: один из десятка. Кто-то не выдерживал физически, другие сходили с ума (по официальной версии: от вынужденного одиночества). Профессор Сестринский не пытался облегчить ужас изоляции, да и правильно делал, поскольку если человек не может справиться с самим собой, слишком привязан к «человеческому стаду», то и подниматься над ним не должен — не приведет это ни к чему хорошему.

Можно со вкусом, сколь угодно долго рассуждать о безумном гении, великом ученом, постигшем законы мироздания, и много о чем еще. В том числе припомнить какую-нибудь чушь про Творца и Эдем. Будь о лаборатории и «Рыцарях» известно общественности, пикеты стояли бы от Московской кольцевой до Красной площади. Сестринского сочли бы антихристом, никак не меньше, а его «птенцов» (забавно, но профессор именно так называл тех, кто прошел через барокамеру) — демонами и исчадиями зла, мутантами, людьми нового двадцать первого века, очередным витком эволюции, прорывом...

Против столь пафосного названия, как исчадие зла, узник барокамеры не имел ничего против. От исчадий не ждут соответствия неким моральным нормам, которые, как правило, у людей различны, и более того, они сами же им не следуют. Давно подмечено: чем сильнее некий индивид ждет и требует от других, тем больше с гнильцой сам. А с исчадий — никакого спроса, и это просто превосходно.

Он придумал, как станет прозываться, когда выйдет отсюда: Ворон. Птица вешая, мудрая и живущая на два, а то и три мира.

В юности он любил скандинавские саги. Особенно про Хугина и Мунина — пару черных птиц, летающих по человеческому миру, Мидгарду, и сообщающих богу Одину обо всем, происходящем на свете.

Русские сказки тоже не обходили этого пернатого стороной. Ворон и гибель предрекал, и живую воду принести мог. А вот христианская церковь, как и иудейская, считала его птицей дьявольской. Ну, да эти религии никогда не были близки тому, кто на полном серьезе решил прозываться Вороном. В каком-то смысле он действительно родился в этой камере. Глупо было бы теперь умирать.

Одиночество не трогало и не напрягало. Ворону, сколько он себя помнил, гораздо труднее давалось постоянное общение с людьми. От них всегда хотелось держаться подальше, несмотря на то, что затворником он не был. Он не мог пожаловаться на отсутствие друзей, его общества искали, ему нравилось находиться в центре внимания, но недолго. Он скорее предпочитал наблюдать и выжидать.

Сейчас он отдыхал и набирался сил. И спал, несмотря на постоянно горевший свет. Хотел бы он знать, не облучают ли его какой-нибудь гадостью?.. Впрочем, нет. Какой смысл в знании, которое нельзя использовать?

Сестринский сильно интересовался Чернобылем и всевозможными штуками, которые в нем находили,

часто испытывая их на своих «птенцах» или обычных подопытных. Он находился в постоянном поиске новых вакцин, препаратов, средств если не вечной жизни, то хотя бы от старости. Может, и перебарщивал временами: смертность в лаборатории была аховая.

Ворон не верил, будто нормальный, здоровый (в отличие от него самого), разумный человек может свихнуться от одиночества и выдернуть иглу из вены, обрекая себя на голодную смерть (а именно так заканчивали жизнь потенциальные «птенцы» в большинстве случаев). Ерунда какая-то. А ведь (и это он знал наверняка) все участники эксперимента шли на него добровольно. Мог на них влиять какой-нибудь теоретически полезный, а по факту вредный артефакт? Да, вполне.

Впрочем, он очень быстро выкинул эту мысль из головы. Во-первых, от него все равно ничего не зависело. Во-вторых, захотелось спать.

В барокамере сны стали его отдушиной: яркие, сюрреалистичные или, наоборот, обыденные настолько, что их так и хотелось спутать с реальностью. Не путал: слишком глубоко сидела в мозгу мысль о невозможности двигаться. Грезил он почти постоянно, наслаждаясь процессом и пытаясь толковать те или иные детали, которые успел запомнить.

Он видел себя на поле брани в белом плаще, закопченном и пыльном, сжимающим тяжелый меч. Он рассматривал тело поверженного сарацина и единственное, что ощущал, — удовлетворение. Он был инквизитором и каким-то индейцем на золотом троне. Он отдавал приказ о казни нескольких десятков человек. Командовал обороной крепости, прекрасно зная о тщетности сопротивления, но не собирался выкидывать белый флаг. И его самого резали, избивали до смерти, топили, сжигали, сбрасывали под поезд, травили, стреляли и казнили бесчисленное число раз. Каждая смерть во сне сопровождалась болью в реальности. Вначале он стонал, потом на-

учился просто стискивать зубы и переживать неприятные моменты.

Несколько раз Ворон пытался предотвратить навязанную воображением судьбу. Иногда ему даже удавалось это. Он радовался, как ребенок, но ровно до тех пор, пока не понимал, что просто домысливает сновидение, а сам-то давно уже не спит.

Самым неприятным оказывался яд, особенно — долго действующий. Сидеть в ожидании кончины, прекрасно зная об отсутствии противоядия и подавляя стремление бежать за помощью все равно к кому, умолять сохранить жизнь, казалось по-настоящему страшно. А еще несколько раз он видел себя в детстве и в школе: рутинные моменты, скучные и напряженные. Ворон сталкивался с мнением, будто ни писать, ни читать во сне нельзя, но ему удавалось. Правда, буквы оказывались не обычными, а напоминающими рунические символы. А уж решение во сне задач по математике и уравнений с двумя неизвестными оборачивалось той еще головной болью.

От мигреней Ворон научился избавляться сам. Может быть, за ним и наблюдали. Возможно, срабатывал какой-то датчик на теле, и внутривенно подавалось обезболивающее, но он не знал об этом и первое, что пытался сделать, — боль осознать и принять, а потом раствориться в ней и тем самым уничтожить. Получалось не всегда, но самовнушение — великая вещь, как говорил кто-то из классиков.

Однажды он увидел смерть отца. В реальности он не желал иметь с ним ничего общего. Ворона воспитывала мать, однако он точно ни в чем не нуждался и учился в очень престижной школе при посольстве, мог позволить себе любую книгу и хобби. Многие ли могли похвастаться подобным во времена тотального дефицита или передела власти и ресурсов? Вряд ли.

Отец появлялся в его жизни всего трижды, и каждый раз Ворон предпочитал поступать по-своему и ни разу не

жалел об этом. Согласился он при встрече четвертой, когда отец пришел к нему в палату и предложил стать подопытной свинкой. А ответил бы отказом — остался парализованным неизвестно на какое время, хорошо, если не на всю жизнь.

Ворон не помнил, что чувствовал, когда увидел застреленного отца. Потерю ощутил точно, и она осталась с ним навсегда, несмотря на то, что это был всего лишь сон.

Еще одно сновидение он запомнил очень четко.

Все начиналось, как фантастический боевик или компьютерная игрушка с очень хорошей графикой. Он стоял посреди вымершей Москвы, в которой (и он знал об этом точно) почти не осталось людей.

Столица представляла собой полигон вроде чернобильского. Ворон лично открутил бы руки и иные части тела тому, кто подобное допустил, но сон не предоставлял информации, кто и почему виновен в столь плачевном положении в родном городе.

На него нападали какие-то существа, которым с ходу не выходило даже дать приличных названий. Наверное, хотели съесть, а может быть, защищали свою территорию. Атаковали они внезапно, но Ворон каким-то образом предвидел и ждал их действий, потому и давал достойный отпор.

Разглядывая поверженного прусака размером с кавказскую овчарку, он и заметил еще одно... существо.

— Вы-хо-ди...

Мальчишка вздрогнул, присел, обнимая колени, и попытался сделаться как можно меньше и незаметнее. Возможно, он хотел куда-нибудь уползти по-тихому, но Ворон не собирался дарить ему подобную возможность, да и не хотел.

Мутировавшие дети представляли собой серьезную опасность. Они обладали сильными экстрасенсорными способностями. Людей обычных они подчиняли себе с помощью эмо-удара — он же «бомбардировка счастьем».

Подпавший под него человек шел за таким ребенком куда угодно.

Впрочем, этот конкретный эмионик явно не вызывал желания опекать и заботиться. Да и выглядел он далеко не блестяще: невысокий, худющий, с огромными глазами на пол-лица и впалыми щеками. А еще грязный: даже цвет волос определить не выходило. Сколько ему лет, Ворон не брался даже предположить.

— Ну! — прикрикнул он.

Мальчишка едва не подпрыгнул от окрика, встал, неуверенно переминаясь с ноги на ногу, посмотрел затравленно и вместе с тем дерзко. Ростом он, пожалуй, достигал ему до плеча, значит, лет тринадцать — аккурат на границе между ребенком и подростком, наверное, потому Зона его и не прибрала окончательно.

Конечно, еще не вечер, и у мальчишки есть большой шанс загнуться от голода, но нечто в его облике точно просматривалось: вроде и человек, но уже не совсем. Нет, убивать его Ворон не собирался. Впрочем, особого желания с ним возиться он тоже не испытывал. Ладно, черт с ним, кому-нибудь сбегрит, не так уж мало у него знакомых лидеров кланов, которые ему кругом обязаны.

Мальчишка сделал робкий шагок в его направлении и преобразился. С лица и рук исчезла грязь, волосы оказались русыми с золотистым отливом, обноски превратились в синие джинсы и темно-серый свитер с двумя полосками из ромбиков черного, желтого и белого цветов, у Ворона в детстве был такой же... так, стоп!

— Замер! — озвучил он мысленный приказ, и мальчишка замер как вкопанный.

Все же способности налицо. А змеиная сущность?..

— Попробуешь снова — убью, — мягко и спокойно сказал Ворон. Мальчишка явно понимал человеческую речь — шел на контакт и беспрекословно подчинился. Даже более того: сначала выполнял приказы и только потом удивлялся, с чего бы вдруг ему проявлять покорность.

...И снова напал.

— Черт! — Ворон прикусил губу до крови и схватился за висок. Он должен был ощущать эйфорию, всепоглощающую любовь к маленькому засранцу, но чувствовал только, как в голову входит раскаленный добела стальной штырь. То ли эмионик попался дефективный, то ли все дело в самом Вороне — попробуй разберись.

Он все же выстрелил в направлении мелкого паршивца, когда не смог больше терпеть. Мальчишка ахнул и упал на колени, но живым все же остался и даже не обмочился с перепуга, хотя глаза зажмурил.

— Считаю последним предупреждением, — прошипел Ворон.

Мальчишка пошевелился. Наверняка задумал еще что-то. Из-за угла ближайшего дома, расположенного метрах в двадцати от них, шаркающей походкой вышел труп, зомбьяк, ну или матрица, если по-научному. Что-то тащил, но Ворону это показалось уже не важным.

— Отзови, — приказал он, а потом просто отцепил от пояса гранату и кинул под ноги трупаку. Вот еще не хватало с ним возиться! Благо укрытие в виде полурухнувшего кирпичного гаража находилось поблизости.

О мальчишке, надо признать, Ворон в тот момент не подумал, но тот сообразил быстро, рухнул на землю, прикрыв руками голову, и подскочил, стоило отгрянуть взрыву.

— Нет! — то ли пискнул, то ли всхлипнул он и затараторил: — Эо ыла еда. Можно ест... ыло... Еда!

— Ты все же не разучился говорить?.. Или это у тебя шок так проявляется? — усмехнулся Ворон, наблюдая самое настоящее горе недоэмионика, который более не походил на опасную тварь, а скорее, на несчастного потерянного человеческого детеныша — Маугли нового времени. Был ли Ворон обрадован таким обстоятельством? Пожалуй, да. Несмотря на попытку эмо-удара и прочие выкрутасы мальчишки, ему действительно хотелось помочь.

— Йа оворил... — Он открывал рот, какое-то время вспоминал слова, неловко шевелил языком, но, пусть и с трудом, произносил звуки, и его даже удавалось понять.

— Я не слышал. — Ворон поймал себя на сочувствующей интонации и поморщился.

Впрочем, мальчишка не услышал слабости в его голосе, ему, похоже, стало ни до чего. Он как-то рассеянно огляделся, пошатнулся, упал на руки, затараторил:

— Есть... еда... хочу...

— Что? — Ворон подошел к нему, пусть этого не стоило делать, присел на корточки и потеребил за плечо. Вряд ли мальчишка стал бы кусаться, да и не в том состоянии пребывал, явно собираясь упасть в обморок.

— Парень?.. Эй!..

* * *

Света все не было, а затем пришло удушье. Ворон подумал, что, должно быть, так и сходили с ума те, кто не выбирался живым из барокамеры. Наверняка ему только казалось, будто что-то пошло не так, — чертова мнительность разыграла. Однако убедить себя в этом не выходило. Перед глазами вместо белоснежной крышки висела непроглядная тьма.

— Дышать темно — воздуха не видно, — пробормотал Ворон и с трудом узнал собственный голос. Сколько же он молчал?.. — Эй!

Он понятия не имел, могли ли слышать его снаружи, в барокамеру звуки не проникали, но если имелся хотя бы малейший шанс привлечь к себе внимание, следовало воспользоваться им.

— Эй!

Так шуметь можно хоть до бесконечности или, вернее, посинения. Воздуха катастрофически не хватало. Стало жарко, но вряд ли из-за подскочившей температуры в барокамере, скорее всего Ворон запаниковал. Он дер-

нулся чисто инстинктивно, даже не задумавшись о том, что парализован, и неожиданно натолкнулся рукой на стену.

«Я сумел пошевелиться!» — эта мысль опалила разум, прогнала панику и на несколько мгновений стала самой важной в жизни. Затем он выдернул из вены иглу и принялся ощупывать крышку барокамеры.

Во внешнем мире произошло нечто незапланированное: вряд ли отключение электричества (на этот случай стояли аварийные генераторы) и точно не халатность. Более того, раз никто не кинулся к нему на помощь, Сестринский и его сотрудники либо изолированы, либо уже мертвы. По-хорошему, Ворону следовало затаиться и выждать несколько часов, прежде чем пытаться выбраться самостоятельно, но именно времени у него и не осталось.

Обесточенная барокамера утратила герметичность, крышка прилегалла неплотно, но и не поддавалась.

— Стоп, — самому себе сказал Ворон, зажмурившись и резко распахнув глаза, по-прежнему не видя ничего вокруг. — Если неплотно, то я не задохнусь. Наверное. Или по крайней мере не задохнусь в течение пары минут. Надо думать.

Он попытался сосредоточиться на своем теле, ощутить руки и ноги, каждую мышцу, напрячься. Полгода в постели превратят кого угодно в амёбу, мышцы атрофируются, и ходить придется учиться заново, но отец водил к нему массажистов, а Сестринский устраивал и иглотерапию, и бил током. Ворон не возражал, хотя ему все эти действия казались тщетными.

«Мертвому припарка», — фыркнул он, но сейчас ощущал себя, как прежде, может, и не полным сил, но хотя бы способным передвигаться без посторонней помощи.

— Вот и проверим, — прошептал он, подтягивая колени к груди и опираясь подошвами в крышку-люк. — Р-раз...

Повторять не потребовалось, раздался шелчок, и крышка с шипением отъехала в сторону. В глаза ударил яркий свет, благо он вовремя закрыл их и прикрыл веки ладонями.

Времени привыкать и осматриваться не было, теперь оно летело вперед, как свихнувшийся машинист скоростного поезда. Ворону удивительно, просто чертовски повезло. Если никто его не окликнет, не заметит и не попытается пристрелить — впору уверовать в помощь свыше. Пока все казалось спокойно, но могло измениться в считанные секунды.

Он выбрался с трудом, в ушах звенело от слабости, ноги подгибались, но все это казалось не важным по сравнению с возможностью двигаться. Металлический запах, к которому примешивалось еще много чего отвратного, он ощутил много позже, лишь очутившись на твердом полу, выпрямившись и оглядевшись.

Лаборатория оказалась залита кровью, та стекала со стен и столов, заливала пульта управления, к которым под страхом участи худшей, чем смерть, не позволялось подходить с кофе и бутербродами (водился за сотрудниками грешок перекусывать на рабочем месте). Она скапливалась в неровно положенной плитке на полу, подобралась к носкам Ворона и промочила их. Алая, омерзительно яркая и потому не воспринимающаяся адекватно.

Ворону казалось, он снова во сне или в какой-то убогой компьютерной или кинореальности, создатель которой не примкнул к заговору всех киношников мира и во имя большей реалистичности не затемнил кровь.

— Теперь мне нужна обувь, — сказал Ворон самому себе, — и пусть это будут не шлепанцы.

Когда-то давно, сейчас казалось — в позапрошлой жизни, он воевал. И уже тогда, в юные годы, не страдал идиотскими фанабериями. Убитым ботинки уж точно без надобности, даже если прямо сейчас сюда явится Зона и превратит их в ходячие трупы.